

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.512.37

Триады в тексте «Истории Усун Дебескерту-хана»

Баазр Александрович Бичеев¹, Эрдэмт²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr@mail.ru

² Центральный университет национальностей (27, проспект Чжунгуаньцунь, район Хайдянь, 100081 Пекин, Китай)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-7687-0112. E-mail: erdem705@sins.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бичеев Б. А., Эрдэмт, 2020

Аннотация. *Введение.* Ко времени появления «ясного письма» у ойратов (калмыков) существовала древняя устно-поэтическая традиция, которая послужила основой для развития письменной традиции. В результате этого уже к концу XVII в. появляется большое количество переводных произведений, отличавшихся жанровым разнообразием и художественным наполнением. Ойратские книжники активно использовали богатое наследие устной словесности при создании своих произведений. Одним из древнейших видов афористической поэзии были триады. У исследователей нет единого мнения о жанровой природе этого вида афористической поэзии. Одни причисляют их к загадкам, другие к пословицам, но при этом все сходятся во мнении, что триады занимают особое место в устно-поэтической традиции. Триады активно использовались не только средневековыми авторами, но и современными калмыцкими писателями в их произведениях. *Цель статьи* — введение в научный оборот текста ойратской версии «Истории Усун Дебескерту-хана», в стихотворных наставлениях которой присутствуют триады и катрены. *Решаемые задачи.* Анализ дидактического содержания литературных триад и сопоставительный анализ с устными образцами. *Основной метод исследования* — метод сравнительно-сопоставительного анализа. *Новизна работы.* Несмотря на публикацию триад в сборниках народных пословиц и загадок, анализ их содержания в текстах письменных памятников не осуществлялся. *Результаты исследования:* о широкой распространенности триад в древней устно-поэтической традиции монгольских народов свидетельствуют труды исследователей Монголии, России и Китая; триады не являются загадками, а представляют отдельный жанр устно-поэтической традиции монгольских народов; триады активно использовались в текстах письменных памятников дидактического содержания как особая форма наставлений. *Заключение.* Книга наставлений «История Усун Дебескерту-хана» является одним из образцов дидактической литературы, в тексте которой содержатся триады и катрены. Исходя из их со-

держания и функционального назначения, можно констатировать, что в письменных текстах триады и катрены носят четко выраженный назидательный характер, что позволяет определять их как произведения особого жанра, не относящиеся к загадкам.

Ключевые слова: Устная поэзия, триады, катрены, буддизм, дидактическая литература, наставления Усун Дебескерту-хана

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: ААА-А-А19-119011490036-1)

Для цитирования: Бичеев Б. А., Эрдэмт. Триады в тексте «Истории Усун Дебескерту-хана» // Монголоведение. 2020. № 1. С. 22–36. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-22-36.

UDC 821.512.37

The Story of Usun Debeskertu Khan: Triads Revisited

Baazr A. Bicheev¹, Yeerda²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate
 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr@mail.ru

² Minzu University of China (27, Zhongguancun Ave., Haidian District, Beijing 100081, People's Republic of China)
Ph.D. (Linguistics), Professor
 0000-0002-7687-0112. E-mail: erdem705@sins.com

© KalmSC RAS, 2020

© Bicheev B. A., Yeerda, 2020

Abstract. *Introduction.* Long before the creation of a national writing system, the Oirats (Kalmyks) had developed a unique oral poetic tradition. By the late 17th century, there appeared a large number of translated poetic works distinguished by genre and artistic diversity. Oirat scholars would insistently turn to the rich oral poetic heritage. And triads were one such most ancient type of aphoristic poetry, their genre characteristics still remaining a matter of debate: some classify them as riddles, others as proverbs — but it is universally accepted that triads hold a special place in the oral poetic tradition. Triads were used not only by medieval authors but have also been turned to by modern Kalmyk writers. *Goals.* The article introduces into scientific discourse a text of the Oirat version of *The Story of Usun Debeskertu Khan* which contains triads and quatrains; analyzes didactic contents of the literary triads and compares them to oral (folk) ones. *Materials and Methods.* The work primarily employs the comparative analysis method. Despite triads have been published in a number of folklore collections (along with proverbs and riddles), their contents have never been investigated in the context of written monuments. *Results.* The wide use of triads in ancient oral poetic traditions of Mongolic peoples is evidenced by works of researchers from Mongolia, Russia, and China. So, it has been revealed that triads are not identical to riddles, constituting a separate Mongolic poetic genre and having been explicitly used in didactic written monuments as a special form of homilies. *Conclusions.* *The Story of Usun Debeskertu Khan* is a didactic composition containing triads and quatrains, the latter — judging from their contents and functions attributed — being essentially edifying (moralistic), which thus makes it possible to finally distinguish them from riddles as such.

Keywords: oral poetry, triads, quatrains, Buddhism, didactic literature, homilies of Usun Debeskertu Khan

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Bicheev B. A., Yeerda. *The Story of Usun Debeskertu Khan: Triads Revisited. Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 22–36. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-22-36.

Введение

Интересное явление наблюдается в распространении одного из жанров устно-поэтической традиции монгольских народов, а именно триад (монг. *ертенцийн гурав*; калм. *йиртмэжин хурвн*) и катренов (монг. *ертенцийн дөрөв*; калм. *йиртмэжин дөрвн*). При том, что они хорошо известны всем монгольским народам, тем не менее катрены, наряду с триадами, получили большее распространение у ойратов. На эту особенность обратил в свое время Г. И. Михайлов, отмечая, что катрены в публикациях бурятских авторов отсутствуют, а в публикации монгольских авторов преобладают триады [История 1981: 139–140]. Связано это явление, по нашему мнению, со спецификой взаимодействия письменной и устной традиций ойратов. В литературе ойратов немало примеров, когда устные произведения обретали письменную форму и, наоборот, письменные тексты становились достоянием устной литературы [Бичеев, Дамринджав 2017].

Еще один актуальный для монгольского литературоведения того времени вопрос, который был поднят Г. И. Михайловым, касался жанровой принадлежности триад и катренов. Отметив, что «триады и катрены занимают в афористической поэзии особое место», т. е. их нельзя отнести ни к загадкам, ни к пословицам, он пишет, что «решение вопроса об их жанровой природе оказалось делом довольно трудным», а затем отмечает, что если бурятские авторы относят триады к загадкам, то монгольские исследователи в полемике по этой проблеме сходятся во мнении, что триады и катрены представляют особый вид афористической поэзии, напоминающий традиционные для монгольских народов наставления [История 1981: 139–141].

Далее Г. И. Михайлов пишет, что «калмыцкие фольклористы по этому поводу еще не сказали своего слова, в их сборниках пословиц и поговорок триады и катрены не выделяются в особую группу» [История 1981: 139]. Затем он приводит мнение известного калмыцкого археолога и этнографа У. Э. Эрдниева о том, что «к очень древним загадкам относятся ойратские „триады“, т. е. загадки, состоящие из трех составных частей» [Эрдниев 1970: 239].

Патриарх калмыцкой исторической науки, безусловно, был прав, называя триады древними образцами устно-поэтической традиции ойратов. Прав он и в своем определении триад как загадок с точки зрения этнографа. Поскольку триады к началу XX в. стали трансформироваться в своеобразную форму загадок на общем фоне угасания устной традиции у калмыков. Связано это с резким переломом в социальной и культурной жизни калмыцкого общества, который происходил в конце XIX – начале XX в. Этот процесс, по мнению известного калмыцкого ученого и общественного деятеля Н. О. Очирова, был

«стремительным и поспешным, поэтому несколько ненормальным и несогласованным с постепенным развитием» [Очиров 1925: 39].

Обратимся к общей характеристике триад и катренов, а также к истории их публикации в калмыцкой фольклористике.

Основная часть

Триады и катрены как своеобразные наставления стихотворной формы состоят из трех (триады) или четырех (катрены) строк, которые объединены общей тезой, определяющей качественное отличие одного объекта от другого. Композиционно они выстроены так, что каждая строка завершается этой же тезой. К примеру, если задана цветовая теза ‘три в мире темных’ (*‘йиртмэжин хурвн харңһу’*), то каждая строка триады или катерна должна завершаться этим определением ‘темный’ (*‘харңһу’*).

<i>not ügei manjüin čēji xaranguu::</i>	Голова непросвещенного монашка темна,
<i>xoyin ügei xoton xaranguu::</i>	Жизнь <i>хотона</i> без скота темна,
<i>ürün ügei babayā xaranguu::</i>	Душа бездетной женщины темна ¹ .

[Котвич 1905: 37]

В сюжетно-композиционном отношении триада или катрен сочетают в себе различные явления природы, социальной жизни, нравственные качества человека, физические свойства животных. Вследствие этого их тематический диапазон необычайно широк, но в тоже время насыщен параллелизмом. К примеру, вышеприведенная триада складывается из следующей цепочки: не просвещенный ум (отрицательное качество человека) — беспросветное существование (социальное явление) — личная трагедия (судьба).

Для более полного представления о тематическом и сюжетно-композиционном содержании калмыцких триад приведем еще один пример с тезой ‘три в мире бездонных’ (*‘йиртмэжин хурвн йорал уга’*).

<i>Көкрсн дала йорал уга,</i>	Синеющий океан — бездонный,
<i>Күңклин ухан йорал уга,</i>	Мудрый ум — бездонный,
<i>Күмнэ мууһин муңхг йорал уга.</i>	Невежество человека — бездонно.

[Кичгэ 1983: 168]

В данной триаде параллелизм складывается из цепочки: природное явление (глубокий океан) — социальная ценность (мудрый ум) — асоциальное качество человека (невежество). Три разных объекта (природный, социальный и ментальный) связаны одной качественно характеризующей их тезой — ‘бездонный’ (*‘йорал уга’*).

Катрены в сюжетно-композиционном отношении не отличаются от триад. В процессе своего бытования триада, приобретя дополнительный афоризм, могла легко превращаться в катрен, в свою очередь катрен, утратив один из компонентов, мог стать триадой. Г. И. Михайлов в качестве такой трансформации приводит старинную калмыцкую песнь о прославленном ойратском витязе Галдаме, которая начинается катреном о верблюде, баране, быке и жеребце [История 1981: 143].

¹ Здесь и далее переводы автора. — Б. Б.

Кутузов (более двухсот пословиц), учитель улусной школы Шургучи Болдырев, гелюнг Потаповской станицы Дамбо Ульянов, подьесаул Н. Э. Уланов, Аля Лиджиев из рода Бакшин-Шебенер, а также ученики Астраханской гимназии Дорджи Манджиев и Эренджен Хара-Даван [Котвич 1905: VI–VII].

В книге В. Л. Котвича представлены всего четыре образца триад в разделе «Загадки астраханских калмыков». Это триады на тезы: 189. ‘Три в мире темных’ (*‘Орчлңд ор 3 юмн харңһу’*); 190. ‘Три в мире белых’ (*‘Орчлңд ор 3 юмн цаһан’*); 191. ‘Три в мире красных’ (*‘Орчлңд ор 3 юмн улан’*); 192. ‘Три в мире отсутствующих’ (*‘Делкэд 3 юмн дуту’*).

Расположение этих четырех образцов триад в разделе загадок совсем не означает, что В. Л. Котвич считал их загадками, а уж тем более числовыми, как без всякого на то основания утверждают некоторые исследователи [Калмыцкие трехстишия 1987]. Тем более что сам В. Л. Котвич пишет: «Делать какие-либо выводы на основании своего сборника я считал преждевременным; для этой цели он так же, как и другие сборники, имеющиеся в литературе, пока недостаточен. Раньше желательно составить возможно более полный сборник хотя бы только калмыцких пословиц и загадок» [Котвич 1905: IV].

Другой пример, но уже использования триад в художественном тексте, мы наблюдаем в поэме «Алтма» (авторское название «Хулхач») талантливого калмыцкого поэта Даван Гари (1913–1937), погибшего в годы репрессий [Даван 1960]. Поэма была написана в 1934 г., следовательно, можно предположить, что в этот период триады еще активно бытовали в фольклоре калмыков. В этом литературном произведении они звучат в виде назидательных высказываний из уст другого знаменитого калмыцкого поэта XIX в. Ончхана Джиргала. Его стихи и память о нем сохранилась в устных преданиях народа [Ончхан 1959].

Даван Гаря использует в своей поэме вставной сюжет, который, по сути, является устным преданием о событии, произошедшем в калмыцкой степи во время Отечественной войны 1812 г. и участии в нем Ончхан Джиргала. В диалоге между поэтом и одним из князей (*тайша*), командовавшим калмыцким полком, мы видим, как с помощью триад поэту удается осадить надменного представителя знати. В тексте вставного сюжета использовано пять триад и один катрен [Даван 1960: 179–182]. При этом триады и катрен воспроизводятся не как загадки, а как наставления, дидактический характер которых позволяет раскрыть отрицательные черты характера оппонента.

Приведем некоторые из них. Когда князь пытается упрекнуть поэта в том, что тот, пытаясь оспорить его победу в шахматной партии, произносит невозможные слова, то в ответ звучит катрен с тезой ‘Невозможно’ (*‘Болиго’*).

*Дольгалж гүүсн уснд цоорг харһж болиго,
Догин уүлин өмнэс цогцар зүткж болиго,
Заян иктэв гиж, зүрк авлж болиго.
Зөвнь һатлсн күүнэ седкл дшилж болиго.*

[Даван 1960: 180–181].

Прорубить в стремительном потоке воды прорубь невозможно,
Противостоять смертельной угрозе одним собой невозможно,
Уповать на удачу, надеясь на счастливую Судьбу, невозможно,
Победить исполненного справедливостью человека невозможно.

В содержании катрена выстраивается следующая цепь явлений, связанная с этой тезой: природное явление (поток воды) — социальное явление (война) — качество, не обладающее социальной значимостью (фатализм) — социально значимое качество (справедливость).

Главный смысл ответа заключен в первой и последней строке катрена. Убедить князя невозможно, как невозможно прорубить в воде прорубь, но и невозможно победить поэта, преисполненного справедливостью. Эта же мысль рефреном проходит через все остальные триады. К примеру, в триаде с тезой ‘тяжело’ (‘кецү’).

*Үүрмиг үүргэмгэр боож батлхд кецү,
Үкрин өврт зармиг тогтахд кецү,
Үг медшго күүнд келж медүлхд кецү.*

[Даван 1960: 181].

Мелкую россыпь крепко связать такой же россыпью — тяжело,
Укрепить крупинки проса на рогах коровы — тяжело,
Убедить не понимающего слов человека — тяжело.

Завершается вставной сюжет триадой с тезой ‘хуже’ (‘дор’), которая как бы подытоживает главную мысль всех предшествовавших триад. Ончхан Джиргал проигрывает шахматную партию князю, отнюдь не потому, что князь оказался сильнее его в шахматном мастерстве. Проигрыш спровоцирован по этому, поскольку он видит, как неподобающе ведет себя князь по отношению к тем, кто проиграл ему, нанося им за проигрыш пощечину.

Финальная триада — это вердикт недостойному поведению представителя элиты общества. По существу, содержание всех использованных в этом вставном сюжете пяти триад и одного катрена имеют социальную направленность.

*Хотан хэрүлсн нохаһас харңһу нойн дор,
Хол һазрин өшэтнэс ховдг нойн дор,
Шүрүн худгин уснас шүүгдсн күн дор.*

[Даван 1960: 182].

Невежественный нойон хотонной собаки хуже,
Скупой нойон чужеземного врага хуже,
Проигравшийся человек воды из соленого колодца хуже.

Таким образом, центральной частью поэмы «Алтма» Даван Гари является вставной сюжет, основанный на устном предании дидактического характера и раскрывающий идейное содержание всего произведения.

Собирацию калмыцких триад посвятил свою деятельность выпускник рабфака Ленинградского восточного института, ученик академика Б. Я. Владимирцова Д. С. Сальмин. По словам самого исследователя, сбором триад он заинтересовался начиная с 1930-х гг., работая секретарем партийной организации совхоза «Красный чабан» («Улан хөөч») [Кичгэ 1983: 165]. Д. С. Сальминым было собрано более 100 образцов триад, тексты которых хранятся в архиве Калмыцкого научного центра РАН [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10]. Все последующие публикации триад были сделаны на основе этого собрания [Кичгэ 1983: 168–171; Калмыцкие трехстишия 1987; Антология 1990: 37–39].

После возвращения из Сибири Д. С. Сальмин передал свои записи триад известному калмыцкому фольклористу и джангароведу А. Ш. Кичикову. Часть из них (32 триады) была опубликована в книге «*Келсн үг — керчсн модн*» («Сказанное слово — срубленное дерево») [Кичгэ 1983: 168–171]. А. Ш. Кичиков называет эти образцы «ойратскими триадами», тем самым подчеркивая их древность, и определяет их как особый жанр устно-поэтической традиции калмыков и не называет их загадками [Кичгэ 1983: 167].

В книге «Калмыцкие пословицы и загадки» («*Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс*»), подготовленной к печати Б. Букшеевым и И. Мацаковым, представлены 16 триад в разделе загадок. Но и в этом случае составители пишут, что «загадки не распределены по разделам. Эту работа предстоит сделать во время издания большого собрания загадок» («*Тээлһтэ туульс бүүр бүүрэрнь салһгдсн уга. Эн көдлми ик хураңһу һарһсн цагт кегдхмн*») [Хальмг үлгүрмүд 1960: 13].

В книгу вошли пословицы и загадки, собранные за два года до издания сборника. Основная часть пословиц и загадок была передана составителям сборника в записи народного поэта и знатока фольклора Санджи Каляева (более тысячи образцов) и учителей-калмыковедов Эмге Халаявкина, Церена Петкиева, Эренджена Санджиева, Дулахана Бадмаева, Кишты Карниковой и др.

Все представленные в этом сборнике триады имеют не типичную для триад форму. Они опубликованы в виде так называемых загадок-триад, где «первая часть — это загадка в собственном смысле слова, представляющая собой вопрос, вторая же часть — это отгадка триединой загадки» [Калмыцкие трехстишия 1987: 6].

Орчлд ор һурвн юмн «иг тэтэ».

*(Хотхрт кевтсн моһа — иг тэтэ
Хормад наалдсн баасн — иг тэтэ,
Хов цацсн күн — иг тэтэ).*

[Хальмг үлгүрмүд 1960: 254]

Три вещи в мире, вызывающие отвращение.
(Змея, лежащая на пригорке, вызывает отвращение,
Нечистоты, прилипшие к одежде, вызывают отвращение,
Человек, распространяющий сплетни, вызывает отвращение).

Приведенная триада является иллюстрацией того, насколько бессмысленной становится содержание триады, когда она теряет свою назидательность в искусственно приданной ей форме триады-загадки.

С одной стороны, в ее композиции сохранилась чудом дошедшая до наших дней древняя защитная формула ‘Иг, Тэтэ!’. Первая часть этой формулы ‘иг’ — это естественная для монгольских народов эмоциональная реакция, выраженная возгласом на нечто вызывающее отвращение. Вторая часть ‘Тэтэ’, по всей видимости, имя древнего духа, олицетворявшего все, что могло вызвать у человека отвращение.

С другой стороны, искусственная конструкция триады-задачи была не органична для традиционного жанра загадок. Поэтому в некоторых образцах вопрос поставлен перед каждой строкой триады.

Орчлңд ор хурвн юмн юмн уга. (Уулд шат уга)

Орчлңд ор хурвн юмн юмн уга. (Шовунд көкн уга)

Орчлңд ор хурвн юмн юмн уга. (Далад бүслүр уга)

[Хальмг үлгүрмүд 1960: 253]

Три того, чего в мире нет. (Для гор лестницы нет).

Три того, чего в мире нет. (У птиц вымени нет).

Три того, чего в мире нет. (Для океана преграды нет).

Более того, это искусственная формула часто рассыпалась, принимая более органичную для традиционной загадки формулу. Оставался вопрос и один или два ответа на него.

Орчлңд юн хурдмб? (Салькн хурдн, Салькнас санан хурдн)

[Хальмг үлгүрмүд 1960: 253]..

Что в мире быстрее всего? (Ветер быстр, Мысль ветра быстрее).

Орчлңд юн амтахмб? (Нөр)

[Хальмг үлгүрмүд 1960: 253]

Что в мире слаще всего? (Сон).

Таким образом, та форма триад-загадок, которую мы видим в данном сборнике, это результат той трансформации, которую претерпели триады в первой половине XX в. вследствие кардинальных социокультурных изменений, происходивших в обществе. Последовавший переход на новую письменность практически прервал вековые связи письменной и устной традиции. Устная традиция, не имевшая возможности подпитываться из письменной системы, при отсутствии культурных связей с монгольским миром стала стремительно угасать. На этом фоне триады и катрены, которые органично сосуществовали в двух художественных системах (устной и письменной) начинают обретать неестественную форму триад-загадок. Поэтому У. Э. Эрдниев прав, называя триады загадками, поскольку у носителей фольклора позднего периода триады стали ассоциироваться с загадками. Хотя сама «не устная» форма триад и катренов указывала на их письменное происхождение.

В связи с этим возникает вопрос о генезисе традиционных форм триад и катренов. Являются ли они принадлежностью древней устно-поэтической традиции или возникли уже с появлением литературной традиции? Г. И. Михайлов считает, что «можно допустить существование нетипичных триад и катренов в эпоху, предшествовавшую зарождению древней литературы. А позже ранние авторы, используя древние поэтические традиции, сами создали триады и катрены, необходимые для реализации их замысла» [История 1981: 144].

Исходя из высказанного Г. И. Михайловым положения, вполне возможно предположить, что свою традиционную форму триады и катрены приобрели вследствие литературного оформления устных нетипичных триад и катренов, которые встречаются в тексте «Сокровенного сказания монголов». И произошло это с распространением буддизма и появлением буддийской литературы монгольских народов. С триадами и катренами мы встречаемся в содержании произведений дидактической литературы. Исследователи обычно приводят в пример монгольский сборник «Четверостишия о приобретении и потере» («Авах гээхийн дөрвөн мөрт шүлэг»), состоящий из 29 катренов.

По мнению Л. К. Герасимович, качественное отличие литературных катренов этого сборника от фольклорных триад заключается в том, что в триаде «теза — качество отличия от предмета», а в катрене «теза несет идейное значение, а сам катрен несет отчетливо дидактический характер» [Герасимович 2006: 162]. Нельзя не заметить, что триады и катрены в литературных произведениях обнаруживаются прежде всего в назидательных высказываниях персонажей и соседствуют с обычными формами наставлений в виде пословиц. Одним из таких произведений является ойратский текст «Истории Усун Дебескерту-хана» («*Üsün debiskertü xāni nomloqson šaštir ketēkü orošibo*») [Бичеев 2019].

Произведение полностью состоит из наставлений тибетского царя Три Ралпачана (ойр. *Усун Дебескерту-хан*) и его министров. В тексте произведения все наставления даны в стихотворной форме в виде пословиц, поговорок, триад и катренов. Интересно, что все четырнадцать триад и четыре катрена помещены в заключительной части произведения и вложены в уста персонажа названного в тексте наставлений ‘Самым благодетельным в мире Мудрецом’ (*Делкэд буйнта Цецн*).

При этом триады и катрены перемежаются со строками наставлений в виде пословиц, которые известны по содержанию других триад. Например:

olon-ni dotoro merged cuxaq:
balildān dotoro bātur cuxaq:
öbörön beyebēn caqlan medekülē cecen:
küböün okin sayin bolxulā ečiḡe eke amaryu:

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 15v]

Среди людей мудрецы — редкость,
 На поле боя богатыри — редкость.
 Кто вовремя познал себя — мудрец.
 Если дети счастливы, родители спокойны.

Приведенные примеры представляют разрушившиеся триады, вследствие утери ими одной или двух строк. Трудно предположить, что это могло быть следствием ошибки переписчика, поскольку во всех известных нам списках рукописей этого произведения из Монголии, России и Китая они приведены в такой же форме.

Еще одной отличительной особенностью триад и катренов этого произведения является то, что все они имеют социальный оттенок, проявляющийся даже в тезах, которые обычно тематически нейтральны. Все триады и катрены наполнены дидактикой, и в содержании многих из них нет привычного параллелизма с природными явлениями или свойствами животных. К примеру, два из четырех катренов с тезаами ‘отсутствие счастья’ (*‘Жирһл уга’*) и ‘жить счастливо’ (*‘амрн жцирһх’*) относятся к наставлениям, которые адресованы женщинам, а два оставшихся катрена с тезаами ‘почитать’ (*‘күндлх’*) и ‘сожалеть’ (*‘гемих’*) — общего характера.

Более обширна тематика четырнадцати триад, но и в этих тезах присутствует социальная направленность: ‘лишаться почитания’ (*‘гөңгдх’*), ‘лишаться покоя’ (*‘эс амрх’*), ‘купить за бесценно’ (*‘Унэвр хулдэж авсн’*), ‘умереть в ни-

щете' ('*туржс үхх*') 'наносить вред' ('*му кех*'), 'почитать' ('*эрк*'), 'восхвалять' ('*магтх*') и др.

Различаются некоторые триады и по форме, т. е. одни выстроены из трех лаконичных строк, а другие имеют достаточно пространную форму. К примеру, в триаде, построенной на тезе 'восхвалять' ('*магтх*'), указывающей на разные уровни глупой похвалы, строки даны в сжатой форме.

mungxaq kümün-dü maqtaxu yurban züyl bui:

erkin mungxaq beyebēn maqtaxu:

dumda mungxa=q gergēn maqtaxu:

adaq mungxaq kü=büügēn maqtaxu::

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 15v]

Три вещи, восхваляемые глупым человеком:

Истинный глупец себя восхваляет,

Средний глупец жену восхваляет,

Меньший глупец сына восхваляет.

В тоже время строки триады с тезой 'купить за бесценок', ('*Үнэвр хулдж авсн*') указывающей на необдуманность предпринятых действий, даны в развернутой форме.

kümün-dü üneber xuldaldun abuqsan yurban züyl bui:

*mou küböün-dü sayin kümüni küüke abči ökülē: zobolongi ünübēr xuldalduji
abuqsan bui::*

*dotor ebečitiü kümün aliba uči=rāqsan idē idekülē: ebečiyigi ünübēr xuldaldun
abuqsan
biyu:*

*uxan ügei kümün soudaliyin töröün-dü souxulā ičiüri [ügei] sonjiüri-yi üneber
xuldaldun abuqsan bui::*

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 15v]

Три вещи, купленные за бесценок:

Для женившегося плохого сына на девушке благородных родителей —

все равно, что страдание купить за бесценок.

Для человека с больным желудком есть всякую пищу —

все равно, что болезнь купить за бесценок.

Для неразумного человека оказаться впереди всех —

все равно, что стыд купить за бесценок.

Содержание триад свидетельствует о том, что они адресованы разным слоям общества, но все они сходны в одном — каждая наставляет человека в житейской мудрости и требует от него соответствия общепринятым в обществе нормам поведения.

К примеру, в триаде с тезой 'лишаться почитания' ('*гөгдх*') осуждается поведение представителей высшего сословия общества — монахов, нойонов-правителей, женщин благородного происхождения.

kümün-dü gönggüdkü yurban züyl bui::

toyin kümün gerggetei bulxulā günggüdkü:

noyon kümün nüültü idē idekülē

günggüdkü:

xatun kümün olon nökürtü amraq bolxula

günggüdkü:

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 15r]

Три вещи, лишаящие человека почитания:

Монах, заведший семью, лишится почитания,
Нойон, употребляющий греховную пищу, лишится почитания,
Госпожа, расположенная к мужчинам, лишится почитания.

Другая триада, выстроенная на тезе ‘утрачивать’ (*‘xahux’*), также адресованная представителям правящего сословия, акцентирует внимание на одном отрицательном свойстве человека — алчности. Здесь, как и в предыдущем примере, нет привычного для содержания триад параллелизма.

*kümün-dü xaγasaχu γurban züyil bui:
noyon kümün ed tabartu amaraq bolxula
ulus-ēce xaγasaχu:
bayan kümün ökü abxu-du dura ügei
bolxula axa döügesün xaγasaχu:
xatun kümün ed tabartu tačāltai bolxulā:
uruiq eligen-ēce xaγasaχu*

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 15v]

Три вещи, утрачиваемые человеком:

Нойон, склонный к стяжательству, подданных утратит,
Богатый, не любящий делиться нажитым, братьев и сестер утратит,
Скупая госпожа родственников утратит.

Для более полного представления о составе и содержании триад в тексте ойратской версии «Истории Усун Дебескерту-хана» приведем еще два примера.

*kümün-dü gemšikü γurban züyil bui:
nom ügei bandi ötölküdēn gemšiyü:
üre ügei xatun kümün ötölüqsün xoyino
gemšiyü: :
öri olotu kümün tarā boluqsan xoyino
gemšiyü:*

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 16v]

Три вещи, вызывающие у человека сожаление:

Непросвещенный монах, постаревши, сожалеет,
Бездетная госпожа в старости сожалеет,
Человек, обремененный долгами, собирая урожай, сожалеет.

*kümün-dü γurban züyil erke bui:
cecen sayin tüšimel noyon ulustān erke bui:
tangγaraqtu sayin yoγoučari tenggeri čidkür
bügüdedü erke:
beyebēn xadyalan čidaqči xatun kümün xadam
ečige eke bügüdedü erke: :*

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 16v]

Три вещи, почитаемые среди людей

Мудрый чиновник нойоном и народом почитается,
Не отступающий от обетов йогачарья нечистой силой почитается,
Госпожа, следящая за собой, родителями мужа почитается.

Как уже было отмечено выше, в тексте этих наставлений всего четыре катрена, два из которых адресованы женщинам. Если в первом катре-

не с помощью тезы ‘отсутствие счастья’ (*‘Жирхл уга’*) указаны причины несчастливой судьбы для женщин, обладающих отрицательными для семейной жизни чертами характера, то во втором катрене, наоборот, указаны те черты характера женщины, которые способствуют счастливой семейной жизни.

*jiryal ülü üzekü dörbün xatun bui:
ayixu emëkü ügei içiri ülü medekü čino metü
bolxula jiryal ügei:
xurān xumiqsan xulayayidu abatan γaldu
tülen noxoi-du idöülkülē jiryal ügei:
bürin bügüdeyigi butorouluqči xarcaya metü
bolxula jiryal ügei:
mou üyiledü erkešin amani xatou rakxa metü
bolxula jiryal ügei:*

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 8r].

Четыре, которые не будут счастливы:

Если женщина подобно волчице не ведаёт страха и стыда —
не будет счастлива,
Если не следит за имуществом, подвергая его воровству,
пожару и поеданию животными, — не будет счастлива,
Если будет подобна орлице, нападающей на всех, — не будет счастлива,
Если будет привержена греховным деяниям подобно дьяволице —
не будет счастлива.

*učiraqsan nöküron amaran jiryaxu yosotu dörbün xatun bui:
nöküron [tengeri metü sanaxu] eke metü
asaraxu sedkil-tei bolxula amaran jiryaxu:
egeči döü metü kündülkülē sedkil-tei bolxula
amaran jiryaxu:
böl šibeqčün metü zang-yēr yabuxula amaran
jiryaxu:
okin tenggeri metü sedkil-dü zokistoi bolxula
amaran jiryaxu:*

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 8r]

Четыре, которые будут счастливы:

Если женщина будет почитать мужа подобно *тенгрию*
и оберегать как мать — будет счастлива,
Если будет уважать его как сестру и брата — будет счастлива,
Если будет прислуживать ему как рабыня — будет счастлива,
Если будет нравственна подобно Окон-тенгри — будет счастлива.

Наставления ‘Самого благодетельного в мире Мудреца’ (*Делкэд буйнта Цецн*) завершаются поучениями, которые раскрывают общепринятые нормы проявления почитания в обществе.

*očirtu baqši youγan mörgün takīd biširen kündülkü:
ečiγe eke kigēd küqšin-narani idēn xubcasun-yēr kündülkü:
ulušiyin noyoni töröyин yosōr kündülkü:
uruq elkeni arki maγa-yēr kündülkü:*

[НА КалмНЦ РАН: Ф. 15. Л. 8r]

Учителя-наставника поклонением и благоговением почитают.
Родителей и стариков едой и одеждой почитают,
Правящего нойона согласно закону почитают,
Родственников едой и *аракой* почитают.

Заключение

Текст «Истории Усун Дебескертү-хана» («*Üsün debiskertü xāni nomloqson šaštir kemēkü orošibo*») и те образцы триад, которые были опубликованы уже в наше время, служат подтверждением того, что триады и катрены в их традиционной форме сложились при слиянии устных и письменных форм наставлений. При этом триады претерпели эволюцию от нетипичных до традиционных форм, а затем девальвировали в форму триад-загадок.

Источники

НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 5.
НА КалмНЦ РАН. Ф. 15. — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 3. Ед. хр. 148.
Usun debiskertü xāni nomloqsan šaštar orošibo. Ойр. рук., 17 л., 21,5 × 8, 20-21 стк., бумага серая, тушь черная, перо.

Литература

- Антология 1990 — Бичкдүдин амн үгин антолог / сост. Б. Б. Оконов. Антология устного народного творчества для детей. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 158 с.
- Бичеев, Дамринджав 2017 — *Бичеев Б. А., Дамринджав Б.* Устная версия «Истории Унекер Торлигту-хана». Исслед., пер. с монг., коммент. Б. А. Бичеева и Б. Дамринджав. Элиста; Пекин: КалмНЦ РАН, 2017. 314 с.
- Бичеев 2019 — *Бичеев Б. А.* Списки рукописей и история публикации «Истории Усун Дебескертү-хана» // *Oriental Studies*. 2019. № 3. С. 441–449. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-441-449.
- Владимирцов 1926 — *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.–З. Монголия). Ленинград: Ин-т живых вост. яз., 1926. 202 с.
- Герасимович 2006 — *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII – начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста: АОР «НПП „Джангар“», 2006. 362 с.
- Даван 1960 — *Даван Гэрэ.* Шүлгүд болн поэмс. Сборник стихов и поэм. Диглж хураснь болн редакторнь Очра Уташ. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1960. 221 с.
- История 1981 — История калмыцкой литературы. Т. 1. Дооктябрьский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 335 с.
- Калмыцкие трехстишия 1987 — Орчлңгин хурвнтс. Калмыцкие трехстишия / сост. Т. Г. Борджанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 221 с.
- Кичгэ 1983 — *Кичгэ Төлэ.* Келсн үг — керчсн модн. Сказанное слово — срубленное дерево. Литературно-критические статьи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 171 с.
- Котвич 1905 — Калмыцкие загадки и пословицы. Издал Вл. Котвич. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. 110 с.
- Оконов 1983 — *Оконов Б. Б.* Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. («Галдама», «Мазан-Батыр», «Шуна-Батыр», «На кого же оставил нас, Убаши?») // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: КНИИИФЭ, 1984. С. 30–58.
- Ончхан 1959 — *Ончхан Жирһл.* Һашута цаг. Записал и обработал Э. Кектеев. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1959. 81 с.
- Очиров 1925 — *Очиров Н.* Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 г. Астрахань: Изд. Калм. Обл. план. ком., 1925. 72 с.

- Хальмг үлгүрмүд 1960 — Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс. Калмыцкие пословицы и загадки. Подготовили к печати Б. Букиаев и И. Мацаков. Элст: Хальмг дегтр нарнач, 1960. 295 с.
- Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

Sources

- Kalmyk Scientific Center of the RAS, Scientific Archive. Coll.10. Cat. 1. Reg. no. 5.
- Kalmyk Scientific Center of the RAS, Scientific Archive. Coll.15. Cat. 3. Reg. no. 148. [The Story of Usun Debeskertu Khan]. Manuscript. 17 p. (In Oir.)

References

- [History of Kalmyk Literature]. Vol. 1: Pre-October Period. Elista: Kalmyk Book Publ., 1981. 335 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. ‘*The Story of Usun Debiskertu Khan*’: manuscript copies and history of publication. *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 441–449. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-441-449.
- Bicheev B. A., Damrinjav B. [*The Story of Uneker Torliktu Khan: Oral Version*]. B. A. Bicheev, B. Damrinjav (study, transl., comments). Elista; Beijing: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2017. 314 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. (comp.). *Kalmyk Triads*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. 221 p. (In Kalm.)
- Bukshaev B., Matsakov I. (comp., rev.) *Kalmyk Proverbs and Riddles*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1960. 295 p. (In Kalm.)
- Davan Y. [Collected Verses and Poems]. Ochra U. (comp., ed.). Elista: Kalmyk Book Publ., 1960. 221 p. (In Kalm.)
- Erdniev U. E. [The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays, Late 19th – Early 20th Centuries]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 312 p. (In Russ.)
- Gerasimovich L. K. [Mongolian Literature: 13th – Early 20th Centuries]. Coursebook. Elista: Dzhangar, 2006. 362 p. (In Russ.)
- Kichgä T. [Word Uttered – Tree Chopped: Literary Reviews]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. 171 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. (publ.). *Kalmyk Riddles and Proverbs*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1905. 110 p. (In Russ.)
- Ochirov N. [Astrakhan Kalmyks and Their Economic Conditions in 1915]. Astrakhan: Kalmyk Oblast Planning Commission, 1925. 72 p. (In Russ.)
- Okonov B. B. (comp.) *Children’s Folklore: Anthology*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 158 p. (In Kalm.)
- Okonov B. B. Kalmyk historical folk songs: 17th – 18th centuries (‘Galdama’, ‘Mazan-Batyr’, ‘Shuna-Batyr’, ‘You Have Left – but Who Shall Rule Us, (Our Khan) Ubashi?’). In: [Kalmyk Folk Poetry]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1984. Pp. 30–58. (In Russ.)
- Onchkhan J. [The Miserable Times]. E. Kekteev (rec., rev.). Elista: Kalmyk Book Publ., 1959. 81 p. (In Kalm.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Mongolian Folklore Patterns]. Leningrad: Institute of Living Oriental Languages, 1926. 202 p. (In Russ. and Mong.)